

Таганцев Николай Степанович

Смертная казнь: Сборник статей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Степанович Т.**
Смертная казнь: Сборник статей / Таганцев Николай Степанович – М.: Книга по Требова-
нию, 2025. – 185 с.

ISBN 978-5-519-76192-5

ISBN 978-5-519-76192-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

женія не осуществились. Въ Мартѣ 1909 г. С.-Петербургское, а потомъ и Московское особое присутствіе, по большинству голосовъ, отказали въ регистраціи «лиги», и отказали, какъ мнѣ думается, по недоразумѣнію, такъ какъ въ мотивахъ отказа оба присутствія высказали не вѣрную съ точки зрѣнія закона мысль, что «организации, избравшія цѣлью своей дѣятельности борьбу противъ существующихъ законныхъ установленій, *какими бы путями эта борьба ни осуществлялась*, не могутъ не быть признаны угрожающими общественному спокойствію и безопасности, а *цѣли ихъ противозаконными*». Между тѣмъ, не только собраніе данныхъ и свѣдѣній, но и обсужденіе доводовъ за и противъ смертной казни, обсужденіе ея значенія и послѣдствій, какъ одной изъ существующихъ карательныхъ мѣръ, однимъ словомъ, все то, что ставила «лига» своею цѣлью, не только ничего противозаконнаго въ себѣ не заключали, но являлись «сужденіями и дѣйствіями», вполне соотвѣтственными предписаніямъ ст. 1035 улож. о нак.

Съ своей стороны, я и теперь, какъ и прежде, считаю не безцѣльнымъ, а нравственно обязательнымъ бороться, путемъ печати и устнаго слова, не только съ эксцессами примѣненія смертной казни, но и съ самымъ ея существованіемъ, какъ карательной мѣры, въ нашихъ общихъ уголовныхъ законахъ.

Поэтому я и позволилъ себѣ издать настоящую брошюру, въ которую вошли, прежде всего, выдержки изъ моихъ лекцій по русскому уголовному праву съ нѣкоторыми добавленіями. Я счелъ эти добавленія необходимыми, такъ какъ со времени послѣдняго изданія лекцій въ 1902 г. накопилось много новаго матеріала по вопросу о смертной казни и ея примѣненіи, и притомъ именно у насъ въ Россіи.

Кромѣ того, я имѣлъ въ виду, что этими извлеченіями изъ моего весьма обширнаго труда я даю возможность ознакомиться съ моими сужденіями о смертной казни гораздо большому кругу лицъ, и питаю надежду, что, можетъ быть, этимъ внесу свою крупницу въ святое, по моему убѣжденію, дѣло защиты неприкосновенности хотя бы и преступной, но все же человѣческой жизни.

Къ этимъ извлеченіямъ изъ моихъ лекцій я присоединилъ мои соображенія по тому же вопросу, высказанныя въ Государственномъ Совѣтѣ въ засѣданіи 27 Іюня 1906 г. при обсужденіи законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни, а равно и мою статью «законопроектъ о смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ въ сессію 1906 года», напечатанную въ

«Вѣстникъ Европы» за 1906 г. Ноябрь, и притомъ также съ незначительными добавленіями.

Прибавлю въ заключеніе, что этотъ сборникъ былъ приготовленъ къ печати еще въ 1910 г., но выпускъ его въ свѣтъ пришлось, по многимъ соображеніямъ, отложить; эта запоздалость не могла не отразиться на нѣкоторыхъ частностяхъ.

I.

Карательная дѣтельность государства ¹⁾).

Дѣяніе, чтобы быть преступнымъ, въ смыслѣ уголовно-наказуемаго, должно быть воспрещено закономъ подѣ *страхомъ наказанія*, причемъ этотъ *страхъ* долженъ быть не чѣмъ либо отвлеченнымъ, не фантомомъ только пугающимъ того, кто посягаетъ на нормы права, а реально имъ ощущаемымъ послѣдствіемъ такого посягательства; быть дѣйствительнымъ *наказаніемъ*, то есть проявленіемъ того особаго юридическаго отношенія, которое возникаетъ между карательною властью и ослушникомъ велѣній авторитетной воли законодателя.

Преступное дѣяніе влечетъ за собою отвѣтственность его виновника. Но кто же тотъ властный, уполномоченный подвергнуть преступника лишеніямъ или страданіямъ? Есть ли наказаніе только фактическое отношеніе властнаго къ подчиненному или ему присущъ правовой характеръ? На чемъ основывается право карать нарушителей? Когда можно пользоваться этимъ правомъ? Чего желаютъ достигнуть, наказывая? Таковы основные вопросы, на которые наталкивается каждый, изучающій наказуемость преступленій, какъ въ ея исторіи, такъ и въ современномъ правѣ.

Много труда, знанія и таланта потрачено на рѣшеніе этихъ проблемъ: одна теорія смѣняла другую, колебля, и иногда съ яростью разрушая построенія предшественниковъ; отрицая ихъ выводы и основы, ихъ практическую годность, ихъ методы и приемы, съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь претерпѣть ту же участь. Стоитъ вспомнить блестящую теорію Фейербаха, съ его глубокимъ анализомъ психологическихъ элементовъ преступленія—эту реформаторскую попытку начала XVIII вѣка, вызвавшую отчаянные протесты, даже прямую брань защитниковъ ста-

¹⁾ Извлечено изъ II-го тома моего русскаго уголовного права, изд. 1902 г. *ММ* 191, 192, 197, 198, 199, 202, 203, 206, 207, 209, 210 и 211.

рыхъ возрѣній, обреченныхъ, повидимому, на безвозвратную гибель. Стоитъ вспомнить ученіе представителей гегелевской философіи въ уголовномъ правѣ, стремившееся въ отвлеченной логической формулѣ дать отвѣтъ на все разнообразіе жизненныхъ условій преступности, свести принципъ наказуемости къ простымъ процессамъ нашего мышленія,— ученіе, думавшее нераздѣльно царить въ доктринѣ, по крайней мѣрѣ, въ нѣмецкой. На нашихъ глазахъ поколебалось и его владычество и мы теперь, какъ и въ началѣ XIX столѣтія, не найдемъ системы, за которою могло бы быть признано хотя бы относительное господство.

Тѣмъ не менѣе, обойти вопросъ о сущности карательной дѣятельности немислимо не только теоретику, но и практику, если только онъ видитъ въ правосудіи не одинъ бессмысленный обрядъ, доставшійся отъ предковъ въ качествѣ ненужнаго наслѣдья, если онъ ищетъ въ законѣ не одну мертвую форму, но и душу живую. Въ видахъ этого я и касаюсь различныхъ попытокъ разрѣшенія вопросовъ, входящихъ въ ученіе о сущности карательной дѣятельности; считаю только необходимымъ замѣтить, что въ этомъ изложеніи я отнюдь не имѣю въ виду представить полностью и разобрать построенія отдѣльныхъ писателей—это задача специальныхъ монографій,— я хочу лишь указать главнѣйшія точки зрѣнія по каждому вопросу, приемы разработки.

1. Границы карательной дѣятельности.

Изъ понятія преступнаго дѣянія вытекаетъ, что наказаніе является выраженіемъ того особаго отношенія, которое возникаетъ между учинившимъ это дѣяніе и государствомъ. Съ точки зрѣнія преступника наказаніе является послѣдствіемъ имъ учиненнаго, съ точки зрѣнія государства—мѣрою, принимаемою вслѣдствіе совершеннаго виновнымъ дѣянія.

Но, подобно тому, какъ не всякое нарушеніе запретовъ или приказовъ авторитетной воли, опредѣляющихъ нашу жизненную дѣятельность, мы называемъ преступнымъ дѣяніемъ, а отличаемъ это понятіе не только отъ грѣха и безнравственности, но и отъ неправды въ обширномъ смыслѣ, такъ и ближайшее разсмотрѣніе, съ точки зрѣнія жизни и закона, того, что сопровождаетъ совершившееся преступное дѣяніе, указываетъ намъ, что далеко не всѣ его послѣдствія, не все то, что испытываетъ преступникъ вслѣдствіе учиненнаго имъ дѣянія или, какъ говорили прежніе нѣмецкіе криминалисты, не всякое «*der Uebelthat folgende Uebel*»), даже далеко не всѣ мѣры, принимаемыя государствомъ по поводу

или вслѣдствіе преступнаго дѣянія, подходятъ подъ понятіе наказанія. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что и самому слову «наказаніе», не только въ житейскомъ языкѣ, но и въ литературѣ, и даже въ спеціально-уголовной, придаютъ весьма разнообразное значеніе.

Такъ какъ наказаніе есть выраженіе юридическаго отношенія, возникающаго между государствомъ и преступникомъ, то, конечно, къ области наказанія могутъ быть относимы только юридическія послѣдствія преступленія, измѣняющія права и юридическіе интересы лица наказываемаго. Въ жизни мы называемъ часто наказаніемъ различныя физическія страданія, болѣзни, матеріальныя лишенія, которыя падаютъ на виновнаго, совершенно независимо отъ воли и усмотрѣнія государства, и которыя или находятся въ извѣстномъ соотношеніи съ учиненнымъ, являются какъ бы его послѣдствіемъ, или только случайно совпадаютъ съ нимъ. Такъ, мы говоримъ о проявленіи карающаго перста провидѣнія, какъ о наказаніи, когда отъ разыгравшейся на пожарѣ бури сгорѣло имущество и самого поджигателя, когда виновникъ взрыва самъ сдѣлался его жертвою, когда убійца, изнасилователь ослѣпъ или оглохъ, когда надъ нимъ или его семьей стряслось несчастье, когда жертва преступленія, защищаясь, искалѣчила виновнаго, причинила ему разстройство здоровья и т. д.; но, однако, всѣ эти матеріальныя лишенія и страданія, сопровождавшія преступленіе или какъ бы вытекавшія изъ него, не составляютъ наказанія въ юридическомъ смыслѣ.

На томъ же основаніи необходимо отдѣлять отъ наказанія и нравственныя муки, угрызенія совѣсти, испытываемыя преступникомъ, хотя бы они были столь сильны, что для ихъ прекращенія онъ спѣшилъ отдаться въ руки правосудія, выстрадать свою вину. Необходимо выдѣлить изъ области наказанія также вызванныя преступленіемъ измѣненія въ отношеніяхъ къ виновному его семьи, знакомыхъ, общества: потерю имъ любви, уваженія, довѣрія и притомъ даже и тогда, когда такая потеря выражается во внѣшней осязаемой формѣ; не будетъ наказаніемъ въ юридическомъ смыслѣ отцовское проклятіе, хотя бы оно сопровождалось составленіемъ разсерженнымъ отцомъ духовнаго завѣщанія, лишающаго виновнаго сына наслѣдства; не будетъ наказаніемъ—отказъ отъ дома, неподача руки, забаллотировка при выборахъ и т. п., какъ скоро во всѣхъ этихъ лишеніяхъ не заключается юридическаго ограниченія личности и ея правъ.

Несравненно теоретически труднѣе, а практически важнѣе, отграниченіе наказанія отъ послѣдствій преступнаго дѣянія, не только причиняющихъ моральное или физическое страданіе преступнику, но и имѣю-

щихъ юридическій характеръ, видоизмѣняющихъ или даже уменьшающихъ объемъ его правъ, но не входящихъ въ область наказанія.

Лицо, умышленно разбившее севрскую вазу, приговорено, положимъ, къ уплатѣ штрафа въ 50 рублей и къ вознагражденію хозяина въ 200 рублей; виновный въ побужденіи, посредствомъ обмана, уступить какое либо право по имуществу приговоренъ къ тюрьмѣ на одинъ годъ, а самая едѣлка признана недѣйствительною; виновный въ имѣніи въ лавкѣ испортившихся вредныхъ для здоровья съѣстныхъ припасовъ посаженъ подъ арестъ на два мѣсяца, а припасы уничтожены; лицо, построившее домъ съ нарушеніемъ техническихъ правилъ и грозящій личной безопасности, приговорено къ аресту, а самый домъ сломанъ; юноша, виновный въ кражѣ, посаженъ въ тюрьму и вмѣстѣ съ тѣмъ исключенъ изъ заведенія, въ коемъ онъ воспитывался; подозрѣваемый въ преступной дѣятельности крестьянинъ, по приговору общества, переданъ въ распоряженіе правительства и т. д. Относятся ли вознагражденіе вреда, недѣйствительность договора, истребленіе испорченныхъ припасовъ, ломка грозящаго личной безопасности зданія, исключеніе изъ учебнаго заведенія, — къ наказанію, или всѣ эти мѣры являются отдѣльно отъ него стоящими юридическими послѣдствіями преступленія? Практически отдѣлить эти мѣры отъ наказанія въ тѣсномъ смыслѣ приходится уже и потому, что онѣ могутъ, а иногда и должны быть примѣняемы и по отношенію къ дѣяніямъ, учиненнымъ такими лицами, которыя не подлежатъ наказанію за давностью, смертью и т. д.; онѣ могутъ быть опредѣляемы не только уголовнымъ судомъ въ его приговорѣ, но, при извѣстныхъ условіяхъ, и различными иными органами власти, а нѣкоторые изъ нихъ даже и не могутъ быть опредѣляемы судомъ, въ порядкѣ уголовного процесса.

Но какіе же признаки могутъ быть указаны для отграниченія, хотя бы въ общихъ чертахъ, наказанія въ тѣсномъ смыслѣ отъ этихъ quasi-наказаній?

Для этого, мнѣ кажется, необходимо выяснить и помнить, какими признаками характеризуется юридическая природа уголовно-наказуемыхъ дѣяній вообще. Преступленіе, по существу своему, есть совершившееся посягательство на юридическій порядокъ; самое нарушеніе правоохраненнаго интереса, чьего-либо субъективнаго права есть только средство посягательства.

Мало того, уголовно-наказуемымъ посягательство на правовой порядокъ становится только въ томъ случаѣ, если государство признаетъ, что, согласно съ исторически сложившимися условіями народной жизни, оно представляетъ дѣйствительно болѣе или менѣе важное значеніе для спокойнаго существованія и правильнаго развитія госу-

дарства. Слѣдовательно, такъ какъ наказаніе является послѣдствіемъ учиненнаго преступнаго дѣянія, то нельзя причислить къ наказанію: во-1-хъ, принудительныя мѣры, принимаемыя органами государственной власти въ интересѣ предупрежденія или пресѣченія правонарушеній, или мѣры надзора за отдѣльными лицами или группами лицъ, по своимъ занятіямъ, образу жизни, прежней дѣятельности и т. п. представляющими опасными для общественнаго или государственнаго порядка и спокойствія. Во 2-хъ, принудительныя мѣры, принимаемыя этими органами для устраненія различнаго рода затрудненій, причиняемыхъ правильному осуществленію предначертанной закономъ ихъ дѣятельности, въ частности, напр., мѣры, принимаемыя органами суда—для правильного хода процесса, администраціею—для осуществленія надзора акцизнаго, таможеннаго, санитарнаго и т. д. Въ 3-хъ, такъ какъ наказаніемъ могутъ быть почитаемы только мѣры, принимаемыя государствомъ въ интересахъ публичныхъ, ради охраны правопорядка, то посему нельзя относить къ наказанію въ тѣсномъ смыслѣ тѣ послѣдствія и мѣры, которыя служатъ исключительно для возмѣщенія матеріальнаго ущерба, причиненнаго пострадавшему, для восстановленія его имущественныхъ интересовъ и правъ. Въ 4-хъ, тѣ мѣры, которыя налагаются хотя бы и органами суда, но въ интересахъ различнаго рода юридическихъ или моральныхъ единеній или учреждений, существующихъ въ государствѣ, для сохраненія въ нихъ дисциплины.

Поэтому, только тѣ мѣры, которыя принимаются государствомъ противъ лицъ, учинившихъ преступныя дѣянія, вслѣдствіе такого учиненія, въ видахъ охраны правопорядка и правоохраненныхъ интересовъ, могутъ быть относимы къ карательной дѣятельности государства ¹⁾.

2. Субъектъ карательной власти.

Если наказаніе есть мѣра охраненія правопорядка, то кому же принадлежитъ эта власть охранять правовыя нормы карательными мѣрами

¹⁾ Это положеніе надо твердо памятовать при разрѣшеніи вопроса о борьбѣ съ опасными общественными классами. Усиленная кара опасныхъ преступниковъ: опасные рецидивисты, преступники-бродяги, преступники-пропойцы, преступники-озорники или хулиганы, вообще преступные завѣдомо лхіе люди,—разумѣется, входитъ въ область карательной дѣятельности государства; но расширять эту область на мѣры борьбы общества или государства съ разнаго рода вырожденками (дегенератами), пьяницами, проститутками, нищими, бездѣльниками и т. д., было бы не только не научно, но и вредно съ точки зрѣнія личной и общественной свободы, основы разумной государственности.

противъ лицъ, на нихъ посягающихъ, карать за воспрещенныя закономъ дѣянiя?

Несомнѣнно, что и въ первоначальномъ дообщественномъ состоянiи, нападенiе человѣка на человѣка вызывало защиту, принятiе охранительныхъ мѣръ противъ нападающаго; мало того, испытанное страданiе, болѣе или менѣе продолжительная боль, порождали инстинктивную потребность отплаты насилiемъ, уничтоженiя врага и охраненiя себя черезъ то въ будущемъ. Но эта защита и расправа, аналогичныя съ подобными же явленiями въ мiрѣ животныхъ, имѣли случайный, фактический, а не правовой характеръ. За отсутствiемъ общежитiя, въ первичномъ быту человѣчества нѣтъ твердо установленныхъ требованiй, которыми бы опредѣлялась охрана интересовъ, взятыхъ подъ общественную защиту, нѣтъ той власти, которая могла бы требовать отъ другихъ отчета въ ихъ дѣйствiяхъ.

Только съ зачатками общежитiя появляется идея объ обязательной неприкосновенности интересовъ, о правовыхъ нормахъ и о возможности взысканiя съ нарушителей во имя неисполненныхъ требованiй права.

Проходили вѣка, общежитiе крѣпло, складывалось въ болѣе опредѣленные, устойчивыя формы, дѣлалось самосознающимъ и самодѣтельнымъ, органически сплоченнымъ единствомъ,—преобразовывалось въ государство; но принципъ его властности надъ отдѣльною личностью оставался неизмѣннымъ. Даже въ тѣ эпохи, когда развившаяся абсолютная государственная власть какъ бы стерла и поглотила общество и изъ его представителя обратилась въ самостоятельную, внѣобщественную силу, и тогда истиннымъ субъектомъ карательнаго права оставалось само общество, организованное въ государство, такъ какъ только изъ природы общежитiя, изъ цѣлесообразности и разумности его правового уклада, можно вывести принудительно-правовой характеръ карательной власти.

Но, по самому существу своему, общество, за рѣдкими исключенiями народнаго суда и расправы, должно было, съ перваго же момента своего бытiя, осуществлять карательную власть черезъ представителей.

Такимъ замѣстителемъ являлось первоначально пострадавшее лицо и его родичи, такъ какъ въ понятiи преступленiя на первомъ мѣстѣ стоялъ вредъ, нанесенный частному лицу и требующiй отмщенiя.

Однако, эта личная и родовая или семейная месть скоро утрачиваетъ случайный характеръ дообщественной расправы, становится правовымъ учрежденiемъ. Мститель осуществляетъ не свои инстинктивныя потребности, а выполняетъ какъ бы обязанность предъ обществомъ, месть

составляет не только его право, но и долгъ, осуществленіе котораго, по словамъ одного изъ нашихъ изслѣдователей древняго русскаго права, А. П. Чебышева-Дмитріева, такъ же мало зависитъ отъ субъективнаго взгляда мстителя, какъ слова и формы эпической поэмы отъ передающаго ее пѣвца. Мѣры и границы этой мести опредѣляются всевластною силою преданія и обычая.

Черезъ эту стадію юридической мести прошли все народы въ первичный періодъ ихъ государственнаго быта; объ этомъ свидѣлствуютъ ихъ пѣсни, преданія; это подтверждается обычаями многихъ и нынѣ существующихъ племенъ; слѣды этого періода находимъ мы и въ древнѣйшихъ юридическихъ памятникахъ, каковы законы Моисея, XII таблицъ, *leges barbarorum*, Русская Правда.

Эти же сборники народной правды первыхъ вѣковъ исторической жизни указываютъ и на постоянно развивавшуюся замѣну расправы пострадавшихъ чисто публичными взысканіями, расплатою общественною.

Къ такой замѣнѣ, по необходимости, приводила даже самая система денежныхъ выкуповъ, постепенно вытѣснявшая кровную месть. Хотя выкупъ шелъ въ пользу пострадавшаго, но все-таки мѣра его опредѣлялась не по усмотрѣнію мстителя, а по напередъ установленнымъ правиламъ; осуществленіе уплаты выкупа не зависѣло отъ одного добровольнаго соглашенія, но могло быть вынуждено обращеніемъ къ власти публичной.

Кромѣ того, такіе выкупы нарушеній общественнаго мира наводили на мысль налагать ихъ не только во имя общества, но и въ его интересахъ, или, еще проще, въ интересахъ той власти, которая, управляя обществомъ, естественно пользовалась и матеріальными выгодами, доставляемыми управленіемъ. Отсюда—повсемѣстно являющійся публичный характеръ композицій; различіе, напр., у насъ, въ эпоху Русской Правды, виръ и продажъ, получаемыхъ княземъ, какъ представителемъ общества, отъ головничества и уроковъ, какъ вознагражденія пострадавшаго.

Система публичныхъ денежныхъ взысканій могла быть только переходною. Она, по существу своему, представляя отрицательное значеніе, была сдержкою, ограниченіемъ мести. Не могъ же, напр., свободный славянинъ, привыкшій дотолѣ кровью разсчитываться за обиду и видѣть въ мести священную обязанность,—считать себя удовлетвореннымъ, если зажиточный обидчикъ уплачивалъ князю или митрополиту отъ 3—40 гривенъ, да прибавлялъ и ему столько же за лѣчьбу и соромъ; не могло считать себя успокоеннымъ этими мѣрами и общество, въ виду постоянного возрастанія разбоевъ и лихихъ дѣлъ разнаго рода.

Такимъ образомъ, рядомъ съ системою композицій, вырастаетъ система общественныхъ казней, въ видѣ, напр., «потока и разграбленія», указанныхъ въ Русской Правдѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и права общественного мстителя переходятъ вполнѣ и окончательно на представителя государственной власти, и чѣмъ сильнѣе крѣпнеть государство, тѣмъ болѣе отодвигается на задній планъ пострадавшее лицо. Преступленіе становится исключительно «царевымъ дѣломъ», «ослушаніемъ царевой воли», а потому мстителемъ за его совершеніе является та же царская власть: «а не будетъ», говоритъ Котошихинъ про эпоху Царя Алексѣя Михайловича, «въ смертномъ дѣлѣ челобитчика, и по такимъ дѣламъ за мертвыхъ людей бываетъ истцомъ самъ царь».

Съ другой стороны, сосредоточеніе карательной дѣятельности въ рукахъ правительства и его органовъ объясняется, какъ справедливо замѣчаетъ В. Спасовичъ (учебникъ, стр. 1), еще и тѣмъ, что: «во-1-хъ, одно только правительство обладаетъ въ обществѣ достаточною матеріальною силою, чтобы охранять съ успѣхомъ обезпечиваемыя государственнымъ союзомъ права и общества и частныхъ лицъ; а во-2-хъ, правительство, по своему выдающемуся положенію надъ всеѣми недѣлимыми и надъ отдѣльными группами и по своему безучастію въ круговоротѣ частныхъ, сталкивающихся между собою интересовъ, болѣе способно, нежели кто бы то ни было, посредничать между преступникомъ и обществомъ и произнести возможно безпристрастный приговоръ». Да къ тому же приговоръ и наказаніе, правительствомъ постановленные, естественно имѣли иное значеніе въ глазахъ преступника, его семьи и рода: благодаря безличности карающаго они не могли вызывать того раздраженія и злобы, какую легко возбуждалъ актъ частной расправы.

Въ настоящее время процессъ перехода завершился, и мы видимъ, что во всеѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, безотносительно къ ихъ организациі, конкретнымъ носителемъ общественного карательнаго права является верховная государственная власть, или, еще тѣснѣе, глава этой власти, въ которомъ олицетворяется правящая власть государства. При этомъ власть верховная является субъектомъ карательнаго права по отношенію ко всеѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, хотя бы даже возбужденіе преслѣдованія и примѣненіе наказанія, въ данномъ случаѣ, стояли въ зависимости отъ усмотрѣнія пострадавшаго или его представителей, такъ какъ и по дѣламъ уголовно-частнымъ подсудимый наказывается въ интересахъ государства его органами. Мало того, даже и въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, въ коихъ сохранились какъ бы частныя наказанія, идущія непосредственно въ пользу пострадавшаго, эти карательныя мѣры налагаются во имя государства.